

труднее собирать подати и, кроме того, заставлять крестьянина платить еще повинности помещику и отбывать всевозможные виды барщины по приказу провинциальной администрации. Одни налоги поглощали больше половины, а иногда и больше двух третей того, что крестьянин мог заработать в продолжение года. Нищенство, с одной стороны, и бунт, с другой - становились обычным явлением в деревнях. Да и не только крестьяне протестовали и восставали теперь. Буржуазия тоже громко выражала недовольство. Правда, она пользовалась разорением крестьян, чтобы вовлекать их в промышленность, пользовалась и деморализацией в администрации, и беспорядком в финансовых делах, чтобы завладеть всевозможными монополиями и обогащаться на государственных займах.

Однако буржуазии этого было недостаточно. В течение некоторого времени буржуазия может отлично уживаться с королевским самовластием и правлением двора. Но приходит момент, когда она начинает бояться за свои монополии, за деньги, данные ею займы государству, за приобретенную земельную собственность, за свои промышленные предприятия, и тогда она начинает смотреть снисходительно на народные бунты или даже поощряет их с целью сломить правление двора и водворить свою собственную политическую власть. Это очень ясно видно в первые 13 или 14 лет царствования Людовика XVI, от 1774 до 1788 г.

Необходимость полной перемены во всем политическом строе Франции бросалась в глаза; но Людовик XVI и весь двор противились этому и противились так долго, что те скромные реформы, которые были бы очень хорошо приняты в начале царствования или даже в 1783 и 1785 гг., оказались к тому времени, когда король решился дать их, далеко отставшими от развития народной мысли. В то время как в 1775 г. смешанный режим правления аристократии с народным представительством вполне удовлетворил бы буржуазию, 12 или 13 годами позже, в 1787 и 1788 гг., король столкнулся с общественным мнением, которое больше слышать не хотело о полумерах и уже требовало представительного правления со всем вытекающим из него ограничением королевской власти.

Мы уже видели, как Людовик XVI отверг скромные проекты Тюрго. Его возмущала самая мысль об ограничении королевской власти. Вот почему реформы Тюрго: уничтожение барщины, отмена учреждения цеховых старост и робкая попытка заставить привилегированные классы, дворянство и духовенство, платить кое-какие налоги - не дали ничего существенного. В государстве все связано, а в старом режиме все разрушалось.

Неккер, назначенный министром вскоре после отставки Тюрго, был скорее финансистом, чем государственным человеком, у него и ум был ограниченный, ум финансиста, улавливающий скорее мелкую сторону общественных дел, чем их крупные государственные стороны. Среди финансовых операций и займов он был у себя дома, но стоит только прочесть его книгу «*Du pouvoir exécutif*» («Исполнительная власть»), чтобы увидеть, как плохо его ум, привыкший рассуждать о *теориях* государства, разбирался в борьбе человеческих страстей и в потребностях общества в данный момент; как мало способен был он понять громадную политическую, экономическую, религиозную и социальную задачу, стоявшую в 1789 г. перед Францией¹.

Неккер поэтому никогда не мог обходиться с Людовиком XVI так решительно, определенно, строго и смело, как того требовало положение. Он робко говорил ему о представительном правлении и ограничился такими реформами, которые не могли ни вывести Францию из затруднительного положения, ни удовлетворить кого бы то ни было, а только показывали всем необходимость коренных преобразований.

Провинциальным земским собраниям, которых Неккер созвал 18 в придачу к созванным ранее Тюрго и за которыми последовали собрания окружные и приходские, пришлось обсуждать самые сложные вопросы и обнаружить страшные язвы неограниченной королевской власти. А так как прения об этих предметах скоро становились известными и доходили даже до деревень, то они, очевидно, еще

¹ *Necker J. Du pouvoir exécutif dans les grands Etats*, \ 1-2 Paris, 1792. Основная мысль этого труда та, что если в 1792 г. Франция переживает революционный кризис, то причина этого в том, что Национальное собрание не дало в руки короля сильной исполнительной власти. «Все бы пошло своим порядком, более или менее хорошо, если бы позаботились о том, чтобы установить у нас спасительную руководящую власть», — пишет Неккер в предисловии и объясняет затем в двух томах, какие огромные права следовало предоставить королю. Правда, в книге «*Sur la législation et le commerce des grains*», вышедшей в 1776 г, он развивал — в противоположность системе свободы хлебной торговли, защищаемой Тюрго, — некоторые мысли, указывающие на его сочувствие бедным классам населения; он требовал, например, чтобы государство вмешалось и установило таксу на хлеб в интересах бедных; но этим и ограничивался его правительственный «социализм». Самое главное было для него — сильное государство, пользующийся уважением трон, окруженный для этого высокими чиновниками, и могущественная исполнительная власть.